

Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения

Александр Г. Пастухов ^{a, @, ID}

^a Орловский государственный институт культуры, Россия, г. Орёл

@ alexander.pastukhov@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6178-9098>

Поступила в редакцию 13.11.2020. Принята к печати 10.12.2020.

Аннотация: Существующий набор текстовых модификаций в медиапространстве, характеризующийся рядом ситуативных признаков, оказывается все еще недостаточно изученным в плане создания типологий, а также комплексных описаний видов транслируемых медийных сообщений. В статье поднимается проблема соотношения медиажанров и композиционно-речевых форм журналистики. Под композиционно-речевыми формами понимаются сложные функциональные текстовые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие и придающие ей целостность и законченность. Суть обновления подходов к жанровым классификациям и вопросы типологии медийных текстов активно доминируют в современной лингвистике текста, при том что жанр, безусловно, остается центральной категорией. В германистике уже накоплен богатый опыт, позволяющий обобщить существующие точки зрения при максимально широком охвате журналистских форм репрезентации (*journalistische Darstellungsformen*). Именно жанровое многообразие медийных предложений с текстолингвистических позиций подтверждает приоритет и центральное положение термина *Textsorte* в немецком языке, который в функциональном плане охватывает однородные классы текстов, находящихся иерархически на одном уровне. В данной статье этот термин предлагается в качестве центрального, так как он охватывает все многообразие медийных жанровых форм и однозначно фиксирует принцип иерархичности текстовой функции в системе коммуникативно-речевых классификаций. Указанные основания позволяют считать *Textsorte* главным операциональным ориентиром в немецком лингвистическом жанроведении и непосредственным основанием для многомерных классификаций медийных текстов.

Ключевые слова: лингвистика текста, жанр, многомерность, текст-прототип, медиалингвистика, медиальность, медийные схемы, медиатекст

Для цитирования: Пастухов А. Г. Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1107–1115. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>

Введение

Коммуникативно-речевая деятельность совершается в условиях, которые характеризуются определенным набором ситуативных признаков. Формы организации речевой деятельности в них имеют повторяющийся характер и действуют в однотипных ситуациях, которые со временем стали устойчивыми и приобрели характер ритуала [1, с. 195]. Наиболее перспективными подходами к изучению текста являются коммуникативные основания с акцентуацией на речевой стороне. Именно с коммуникативных позиций значимыми будут все те элементы текста, которые участвуют в структурировании высказывания и оказании прагматического воздействия на основе более или менее жестких, но всегда облигаторных информативных моделей [2]. В то же время существует еще немало терминологической несогласованности и различий в этих системах. Вот почему, по нашему мнению, вопросы классификации и типологии текстов в начале XXI в. активно доминируют в лингвистике

текста [3], при том что жанр текста безусловно остается центральной категорией.

Сложившаяся система немецкоязычного лингвистического жанроведения ставит во главу угла вопрос о расширении существующих моделей текстуальности и ее признаков [4]. Речь идет о введении такого признака, как *жанровая принадлежность / жанровость* текста (*Textsortenbezogenheit*), который является сущностной характеристикой текстового образования, указывающей на то, что любой текст – носитель тех или иных типовых признаков, определяющих его место в едином медиарепертуаре и медиакommunikации.

Медиажанры (*Medientextsorten*) в этой ситуации являются продуктом исторического процесса их формирования и становления и общим местом всех текстовых определений. Это верно еще и с точки зрения уже упомянутой функциональности и продолжающихся по сей день попыток усовершенствовать с позиций обновленного понимания термина *Textsorte* лингвистическое жанроведение. Опора на термин

Textsorte позволяет существенно расширить модели текстуальности и обновить каталог признаков [4, с. 80–81].

Эмпирические исследования жанров медиатекста (*Medientextsorten*) и их вариантов (*Textsortenvarianten*), несмотря на целый ряд работ, выполненных в этом направлении, все еще недостаточно отражают жанровый акцент лингвистики текста. Если лингвистика текста игнорирует коммуникативное воздействие стиля и характерных для него речевых форм, то стилистика, напротив, обращает внимание на воздействующие факторы. Связующий характер этой дихотомии как раз и обеспечивает действие категорий, изучаемых в обеих дисциплинах: структура текста, грамматические и семантические связи, когерентность и когезия, порядок слов, синтаксис и др., демонстрирующие не только стилистическое разнообразие, но и широкие персуазивные возможности текста [5, с. 46]. Более того, каждый медиатекст отражает конвенциональные способы решения конкретных коммуникативных и когнитивных задач, которые исторически сложились в языковой культуре и хорошо известны носителям языка и культуры в силу их инкультурации [6, с. 196].

Основания и критерии для текстовых классификаций и иерархий

Действие разностилевых средств и способов репрезентации действительности в различных коммуникативных формах и жанрах существенно модифицируется. В системе современных медиа необходимо учитывать действие широкого спектра дискурсивных практик, т. е. рефлексии речемыслительных процессов, активирующих цели медиадискурса. Среди атрибутов последнего следует назвать не только пространство и доступность информации, но и увеличение общего количества медиарепрезентаций, их повторяемость, актуализацию информационно-идеологического содержания, особенности декодирования информации, что важно для ее аналитической обработки [7, с. 79].

Разделение текстов на две большие категории – устные и письменные – по сути, весьма элементарно и приблизительно. Однако оно достаточно распространено, что не снижает указанной проблематичности, лежащей в основе этого метода. В чем же она заключается? Речь идет о спорном тезисе: можно ли вообще говорить о тексте, если мы имеем в виду устную речь [8, S. 41]. Аналогично, по мнению некоторых авторов, литературные произведения должны быть вовсе исключены из предметной области лингвистики текста, равно как и сами лингвисты часто категорически не допускают включения диалога и разговорной речи в компетенцию лингвистики текста [9].

Важно отметить, что различные свойства текста, вероятно, объединяются в смысле некоей прототипической комбинации, которая соотносится с отличающимися друг от друга речевыми характеристиками: спонтанностью, моноличностью, расположением в пространстве

и времени, акустическим контактом [10]. То, что поначалу выглядит как дихотомия, при ближайшем рассмотрении оказывается лишь сложной взаимосвязью реально действующих параметров текста.

Принимая во внимание эту проблему, приоритетной становится концепция разграничения медиальной и концептуальной письменной формы. Монологические, тщательно спланированные, но не спонтанно сформулированные тексты в несложных с коммуникативной точки зрения ситуациях вполне подходят для дистанционного (публичного) представления и являются прототипами концептуального текстопорождения. Заметим, что концептуальная устная / письменная форма, в отличие от медиаформы, не соответствует дихотомии, а является лишь усложненным критерием, поэтому чистые различия на деле не приводят нас к оптимальной классификации. Любое грубое различие также не несет никакой пользы, т. к. черты (свойства) текстов при такой констатации оказываются несколько затемненными.

К. Элих видит важную функцию письменного текста в том, что он является «средством переваривания скоротечного базового языкового процесса, языкового действия»¹ [11, S. 18]. В этом смысле оно (действие) ограничивается текстами, предназначенными исключительно для трансляции. Если этого не сделать, то возможен возврат к иной дифференциации другого плана, например, включению *временного* фактора. Следует учесть, что материальные письменные тексты являются довольно скоропортящимися, т. к. находятся в прямой зависимости от их полезности.

При этом не все коммуникативные схемы обеспечивают самостоятельное производство текстов. На одном конце шкалы оказываются т. н. *Gebrauchstexte*, т. е. значимые «функционально-смысловые типы речи» [12, с. 136], или «тексты функционально-смыслового назначения» [13, с. 532], которые в то же время неплохо вписываются и в другие иерархии в качестве условных классов текстов:

- 1) минимальный: сиюминутные *Tafelanschrieb* (запись на доске), *Einkaufsliste* (список покупок), а также все спонтанные тексты, которые, как правило, не фиксируются;
- 2) ограниченный: *Veranstaltungsprogramm* (программа мероприятий), *Tageszeitung* (ежедневная газета);
- 3) долгосрочный: *Protokoll* (протокол), *Bericht* (отчет), *Gesetz* (закон), *wissenschaftlicher Text* (научный текст), *Enzyklopädie* (энциклопедия);
- 4) неограниченный: *philosophische Texte* (философские тексты), *Belletristik bzw. Höhenkammliteratur* (художественная литература высокого стиля).

Показательный способ описания различных жанров текста состоит в том, чтобы принять во внимание всю комбинаторику признаков (*Merkmalkombinatorik*) (термин Ф. Люкса [14, S. 231]). Каждый текст, как известно, выявляет различные аспекты рассмотрения и является 1) слепком окружающего мира (предметы, процессы, явления и т. д.); 2) частью коммуникативного действия

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

(пытается повлиять на получателя речи); 3) специфическим «в себе» языковым структурным образованием. Все эти аспекты соответствуют трем направлениям исследования: референциальному, межличностному и формальному, которые, по-видимому, образуют целостную рамку любой текстовой классификации.

В продолжение идеи проблема *многомерности* у В. Хайнемана и Д. Фивегера [15, S. 147] связывается с идеей о дифференцированном и гибком выборе критериев описания. В своих работах и классификационных основаниях они делают четкий акцент на понятийно зафиксированных (традиционных) жанрах текста. Если добавить сюда уровни типологизации (функциональный, ситуативный, методологический, структурный и прототипический), то легко заметить, что построить типологию текста на основе какого-либо одного критерия невозможно. При этом немецкие ученые исходят из предположения о том, что эмпирическое знание о текстовом образце (*Textmusterwissen*) уже заключает в себе многомерное распределение *прототипических* репрезентаций, реализующееся на различных уровнях.

Еще одним значимым моментом в обсуждении проблемы возможных классификаций, из сравнения которых могут быть извлечены важные детерминанты и этого процесса, может стать понятие *текстовой процедуры*. Х. Люгер, например, вводит его в существующий контекст лингвистических процедур, «которые являются общепринятыми для решения различных коммуникативных задач и которые говорящие определяют как относительно фиксированные шаблоны» [16, S. 20]. Для Х. Файльке *текстовые процедуры* (*Textroutine*) – это «конституирующие текст, лингвистически связанные процессы, которые семиотически соединяют реализационную текстовую схему и соотносимую с ней типичную форму выражения (*текст-рутина*). В своей сути они фиксируют мотивы речевых действий, обладающих определенным жанровым потенциалом, и в эксплицитном плане характеризуются повторяющимися, соотносительными средствами выразительности» [17, S. 11].

Примечательно, что Х. Люгер в своем определении делает акцент на говорящих, т. е. текстовые процедуры в повседневном общении в первую очередь относятся к устному языку и лишь затем участвуют в производстве письменного текста [16, S. 29]. Х. Файльке, напротив, сосредоточен на устной речи и выделяет связь между буквальной компетенцией и рутинной, выступая против рутинного использования языка, ассоциирующегося преимущественно с устной речью.

В письменном (текстовом) общении формирование рутинных происходит по рутинным прагматическим и тематическим процедурам. Предварительная ориентация (*Vor-Wissen*) читателя, разработка метатекстовых схем, установление интертекстовых зависимостей, типичных для письменной речи программ рецепции, а также специфических процедур в отношении организации и структурирования письменного текста в ходе живой дискуссии определяют характерные черты производства и рецепции письменной (удаленной) коммуникации [17, S. 5].

Кроме того, отметим, что текстовые процедуры (рутины) выявляются на разных языковых уровнях и с точки зрения лингвистической структуры всегда потенциальны, т. е. являются многоуровневыми. В первую очередь текстовые рутинные обнаруживаются на лексическом и грамматическом уровнях, в связях между предложениями и, уже как результат, на уровне текстовых структур.

Таким образом, многомерные классификации текстов, их комбинируемые свойства и характеристики уже заняли заметное место в лингвистике текста. В последнее время к ним добавилась еще и категория медиальности [18, S. 75–76]. В начале XXI в. она захватывает любой коммуникат, будь то текстовый продукт, визуально и аудиально воспринимаемая среда, т. е. все то, что можно прочитать, услышать, увидеть и т. п. Многое из того, что было раньше написано, не предназначалось для чтения вслух, а что было сказано, наоборот, получило регулярную повторяемость через мультипликацию контекста и фиксацию на материальном носителе. Таким образом, критерий *медиальности* не без основания является причиной значительного усложнения возможных текстовых классификаций.

Содержащаяся в сути медиальности дихотомия *сказанное – написанное* становится в наши дни почти анахронизмом. В век новых медиа мы особенно чувствительны к конвергенции каналов и систем репрезентации информации. В дополнение к устному и письменному языку в них существуют изображения, графика, музыка, фильмы, анимация, паралингвистические особенности (мимика и жесты), которые ныне хорошо узнаваемы и постоянны, чем те, с которыми мы сталкиваемся при личном общении в ситуациях *Face-to-face*.

Оказывается, что дело не только в медиальности, но и в действии других оснований для текстовых классификаций и иерархий, которые используются для группировки текстов. Отправной точкой в данной аргументации является дихотомия *письменность vs. устность*. Согласно ей, *диалогичность* (или *взаимодействие*) является важной отличительной чертой, поскольку действие коммуникативной функции относится к отдельно говорящему или пишущему человеку [19, S. 20], а продуктивная связь участников актуализируется в дихотомии *монолог – диалог*. В ней отдельные индивиды, группы, учреждения и сообщества рассматриваются как акторы производства текста, помещенные в единый *временной и пространственный контекст* [9, S. XVII].

Немецкое лингвистическое жанроведение публицистических жанров

Немецкое лингвистическое жанроведение в настоящее время, очевидно, испытывает практически те же трудности, которые существовали у его истоков в 1970–1980-е гг. С тех пор проделана большая работа по обоснованию, конкретизации проблематики, расширению зоны исследования текстов, описанию их дифференциальных признаков,

благодаря которым одни тексты отличаются от других или, наоборот объединяются в группировки.

В немецком лингвистическом жанроведении публицистические (назовем их так условно) жанры требуют в свою очередь подробной классификации. Они объединяют сообщения, транслируемые через систему печатных и электронных медиа (пресса, телевидение, радио, Интернет). Для фиксации данного жанрового многообразия используются различные термины. Среди наиболее распространенных в этом ряду следует назвать: *publizistische Gattungen* (публицистические жанры), *journalistische Gattungen* (журналистские жанры), *journalistische Darstellungsformen* (журналистские композиционные формы), *journalistische Darstellungsweisen* (журналистские формы представления), *journalistische Ausdrucksform* (журналистские формы выражения), *Stilformen der Zeitungsmittelungen* (стилевые формы газетных сообщений), *journalistische Stilformen* (журналистские стилиевые формы), *journalistische Textgattungen* (жанры журналистских текстов). Более того, наряду с указанными терминами, даже у одного исследователя можно найти разные обозначения одного и того же объекта. При этом не всегда возможно определить, какое понятие является общим, или, другими словами, понятием высшего порядка по отношению к тем, что стоят уровнем ниже.

Разрешить эту проблему в германистике позволяют, в частности, подходы, суммирующие точки зрения в пользу существования т. н. журналистских форм репрезентации (*journalistische Darstellungsformen*). С. Шпек предлагает этот термин в качестве центрального, т. к. он объединяет в себе все многообразие публицистических жанровых форм. Примечательно, что в основу большинства коммуникативно-речевых классификаций положен принцип *иерархичности* текстовой функции: ср.: класс текстов (*Textklasse*) – тип текста (*Texttyp*) – вид текста (*Textart*) – сорт текста (*Textsorte*). Здесь следует признать, что трактовка этих терминов до сих пор остается дискуссионной, а их русскоязычные эквиваленты (тип текста, вид текста, сорт текста, класс текстов и др.) и вовсе не являются общепринятыми. Дело в том, что некоторые авторы используют эти термины как синонимы либо в ином иерархическом отношении [20, с. 9].

Категория *Textsorte*

Само жанровое многообразие медийных предложений с текстолингвистических позиций подтверждает приоритет и центральное положение термина *Textsorte*, который в функциональном плане охватывает однородные классы текстов, находящихся иерархически на одном уровне. Очевидно, он будет операциональным ориентиром и ядром многомерных классификаций текста.

В категории *Textsorte* (=TS) в немецкой терминологии, но и не только в ней, отражено, прежде всего, присутствие национальной традиции [21, с. 10]. Это также и результат последовательных текстотипологических операций по объединению *Textexemplare* на основании их свойств [22, S. 29]. Таким образом, в основе TS заключено объединение

в группы и классы текстов. При этом не обязательно имеется в виду точка зрения К. Адамчик о TS как о неспецифических способах чтения (*unspezifische Lesart*) [23, S. 211], или как некоем «обобщающем понятии по отношению к любому виду текстов». Речь скорее следует вести о понимании TS в духе В. и М. Хайнеманн как «письменного текста, зафиксированного на каком-либо уровне внутри текстовой иерархии, в которой TS рассматривается как базисная категория» [24, S. 143].

Важнейшим аспектом дискуссии о TS является то, что это понятие выступает базисным, основополагающим по отношению к другим единицам (классам текстов) и которое признается как наиболее приемлемое для типологических классификаций, т. е. при восприятии текстов как образцов практического речеупотребления.

В наиболее общем виде знание о TS опирается на наши представления о типологиях вообще. При этом сам термин TS часто используется в смысле *Textmuster* (ТМ) или *Texthandlungsmuster* (ТНМ), чтобы рельефнее показать актуальные языково-коммуникативные потенциалы текстов одного типа в определенном языковом сообществе. О разделении TS и ТМ хорошо написано у В. и М. Хайнеманн [24, S. 129–131], ведь знание, формирующееся вокруг этих категорий, – это комплекс, отражающий коммуникативные интенции отправителя речи, служащий решению коммуникативных задач, ориентации на производство и рецепцию текстов, а также объективации реакций на коммуникативную ситуацию и, не в последнюю очередь, на принятие решения о соблюдении / несоблюдении этих образцов как некоей общественной договоренности.

В качестве ключевого момента концепция *Textsorte* допускает некое социальное соглашение, сложившееся исторически, в отношении (использования) текстов определенного внешнего вида и решения рекуррентных коммуникативных задач. Действительно, как пишет Ш. Штайн, «*Textsorten* являются условно допустимыми паттернами для сложных языковых действий и могут быть описаны как типичные связи между контекстными (ситуативными), коммуникативно-функциональными и структурными (грамматическими и тематическими) признаками. Они исторически сложились в языковом сообществе, являются частью повседневного языкового знания участников коммуникации, имеют нормативный эффект, что облегчает их использование в коммуникации, давая тем, кто общается, более или менее фиксированные ориентиры в отношении природы производства текста и его восприятия» [22, S. 30].

Помимо своей сложности (TS как характерное сочетание внешних и внутренних факторов), историчности (исторически сложившиеся и стабильные), условности (динамично изменяющийся инструмент), концепция TS во многом характеризуется своей центрированностью на решение повторяющихся коммуникативных задач и проблемы выбора приемлемой схемы действий. Сюда нужно добавить и культуру: конкретный TS представляет собой культурно сформированную и культурно-специфическую конструкцию,

включающую в себя лингвистические, структурные, функционально-прагматические, когнитивные и социальные или социокультурные аспекты.

Не случайно, что для Ф. Зиммлера *Textsorte* – это тоже «сложное и целостное образование, законченное в соответствии с волей участников коммуникативного акта и характеризующееся набором языковых средств, их особой комбинаторикой и регулярным проявлением экстра- и интралингвистических текстовых признаков, которые в их конституирующей, идентифицирующей и дифференцирующей смысловых функциях сливаются, образуя новый специфический пучок признаков» [25, S. 355].

Использование термина TS в синонимической позиции (как типа текста и как жанра текста) невозможно и даже недопустимо по причине того, что именно индивидуальные и неповторимые «комбинации коммуникативно-речевых признаков создают уникальный речевой жанр (*Textsorte*)» [20, с. 6]. Внутри системы жанров объективно складывается некая особая система способов, приемов и материальных средств выражения, представления, преобразования и функционирования содержания произведения согласно существующим требованиям, критериям, нормам [26, с. 53].

Композиционно-речевые формы

Под композиционно-речевыми формами (КРФ) в самом общем виде понимаются «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие ее развитие и придающие ей целостность и законченность» [26, с. 74]. Каждый раз, выходя из системы языка, композиционно-языковая форма вбирает в себя свои «наследственные черты» (языковые константы). Но каждый раз в дискурсе (в речевой актуализации) композиционно-языковая форма «взрослеет», приобретает новые черты и «вырастает» в композиционно-речевую форму [27, с. 28].

При классификации КРФ в медиалингвистике интуитивно ощущается стремление определить их в качестве какой-то большой группы – группы текстов высшего порядка. В качестве *первой* группы обобщения КРФ выступают *информирующие* тексты, занятые преимущественно передачей предметной информации. В немецком лингвистическом жанроведении они представлены следующими формами: *tatsachenbetonte Formen* (фактологические формы), *Nachrichten-Darstellungsformen* (новостные формы), *Nachrichtenstilformen* (новостные стилевые формы), *darstellende Stilformen* (изобразительные стилевые формы), *informationsorientierte Darstellungsformen* (информационно ориентированные формы), *faktenorientierte Darstellungsformen* (фактоориентированные формы), *informierende Darstellungsformen* (информирующие формы).

Вторую группу образуют *аналитические* тексты, ориентированные на передачу (трансляцию) мнения: *meinungsbetonte Formen* (формы, ориентированные на мнение), *Meinungs-Darstellungsformen* (мнениеформирующие формы), *meinungsorientierte Darstellungsformen*

(мнениеориентирующие формы), *Meinungsstilform* (стилевые формы мнения), *Meinungsbeiträge* (мнениеформирующие статьи), *meinungsausßernde / kommentierende Darstellungsformen* (мнениекомментирующие формы), *kommentierende Stilformen* (комментирующие стилевые формы) и др.

Есть еще и *третья* группа, которая объединяет жанры, обслуживающие *развлечение, досуг*: *unterhaltende Darstellungsformen* [28, S. 80–81].

Журналистские жанровые формы

В журналистике существует едва ли управляемое количество различных терминов для обозначения журналистских форм. Следующее перечисление, которое не претендует на полноту, дает наглядное представление о жанровом разнообразии печатных медиа (*journalistische Darstellungsformen*): *Bericht* (сообщение), *Dokumentation* (документ), *Essay* (эссе), *Feature* (фиче), *Feuilleton* (фельетон), *Glosse* (глосса), *Interview* (интервью), *Karikatur* (карикатура), *Kolumne* (колонка), *Kommentar* (комментарий), *Kritik* (критика), *Artikel* (статья), *Kurzartikel* (малая статья), *Kurzmeldung* (короткое сообщение), *Lokal-Spitze* (местные новости), *Magazin Story* (история), *Meldung* (сообщение), *Nachricht* (новость), *Portrait* (портрет), *Reportage* (репортаж), *Rezension* (рецензия), *Zeitungsroman* (роман с продолжением) [28, S. 84].

В это же время медийные схемы характерно детерминируют способы производства сообщений и действия журналистов в них. Они определяют креативные возможности коммуникативных форм. В зависимости от технологических решений медиа варьируют формы репрезентации, которые опосредованы социальными практиками. По этой причине наше медийное мировоззрение основано больше на теме, чем на способе презентации. Соответственно, для оформления публикаций журналисты используют такие способы презентации (*сообщение, репортаж, комментарий, глосса*), которые наиболее соответствуют пониманию формы или жанра [29, с. 124].

Жанр, как его принято определять, – это изобразительная техника, которая не является продуктом длительного пользования (иначе бы они (жанры) не могли иметь регулятивной функции). Креативные формы непрерывно изменяются; они отдают дань моде, что является стандартом коммерциализированной медиасистемы. Среди новых жанров возникают гибридные форматы, которые располагаются между информацией и развлечением, поэтому во многих случаях журналистика становится ремеслом, требующим глубокого предметно-ориентированного знания.

Что касается информирующих жанров, таких как *Bericht* и *Kommentar*, то для них существует достаточно цельное и единообразное определение. Но у других жанров существует «разноточения» в определении их стандарта. Так, *feature* у отдельных авторов является информирующим [30, S. 130], в то время как у З. Вайшенберг это развлекательная форма [31]. То же самое касается термина *фельетон*,

который одновременно является медийным жанром и закрепил в газетной практике отдельный рессорт. И это не случайно, т. к. любая группировка текстов является относительной, а дефиниции жанра могут быть довольно диффузными.

Данный тезис подтверждает мысль о том, что использование расплывчатых критериев в рамках *функции журналистики* нередко выражается в терминах повторяющихся журналистских жанровых форм. Без внятного определения остаются и совпадения между отдельными жанрами, которые, видимо, заранее запрограммированы и, в отсутствие фиксированных критериев, привязаны к субъективному решению соответствующего автора. Так, в жанре *Kommentar* всегда, помимо мнения, содержится информация. Соответственно, избежать этой ситуации можно лишь исключив «непоследовательные и неточные определения журналистских жанровых форм» [32, S. 18].

Еще одна терминологическая проблема заключается в том, что разное значение существует у разных авторов, даже в рамках одного подхода. Типичный пример – жанр *Bericht* [28, S. 349]. Он весьма широко трактуется как 1) интересная, актуальная информация или сообщение; 2) журналистская форма презентации; 3) собирательный термин для различных фактуальных форм представления.

Заключение

В трудах по немецкой медиалингвистике мы находим большое количество описаний журналистских форм. В противовес им существует известное отграничение относительно небольшого количества базовых журналистских жанров, которые используют авторы, и которое не всегда понятно. Действительно, разночтения относительно количества

анализируемых жанров означают, что разные виды сообщений выводятся под одним термином при разных подходах. В то же время при других методиках вполне допустимы более широкие толкования и тем самым большее разнообразие с широким диапазоном и отличиями, которые влияют на возникновение новых группировок прототипных текстов. Степень целесообразности и выбор этих процедур можно оценить только на основе критериев, которые обычно используются для обоснования существования отдельных вариантов КРФ.

Различное количество часто зависит от того, действительно ли отдельные термины понимаются как независимые, обладают фиксированными критериями или они внезапно интегрируют новые свойства в качестве единого термина. Если термины используются произвольно на разных уровнях иерархии или появляются дважды, то типология перестает быть строгой и понятной. Заметим, что различия в общем количестве известных журналистских форм и их непродуманное обозначение затрудняют использование контроверзных подходов.

Все это подтверждает сиюминутную природу жанра, а значит, подчеркнем, необходимость повышения качества в определении уровня параметризации и упорядочения системы медийных жанров, которые при детальном рассмотрении оказываются сильно фрагментированными, т. е. выстроенными из разнородных конституирующих элементов. Подобная *мультимодусность* (членение частей текста, статические и динамические изображения, графика и т. п.), *мультифрагментарность* медиасообщения предлагает различные точки входа, а следовательно разнообразные возможности интерпретации и рецепции.

Литература

1. Филиппов К. А. Лингвистика текста. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 331 с.
2. Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 56–57.
3. Fix U., Adamzik K., Antos G., Klemm M. Brauchen wir einen neuen Textbegriff? Antworten auf eine Preisfrage. Frankfurt a. M.: Lang, 2002. 192 S.
4. Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77–83.
5. Пастухов А. Г. Публицистический – журналистский – медийный: к формированию новой стилистической парадигмы // Масс-медиа и массовые коммуникации: опыт, проблемы, перспективы: II Междунар. науч. colloquium. (Белгород, 1–2 октября 2014 г.) Белгород: Политекра, 2015. С. 45–60.
6. Гришаева Л. И. Разрыв шаблонов? // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 2. С. 193–211. DOI: 10.21638/spbu22.2020.204
7. Пастухов А. Г. Медиатекст: стилистическое разнообразие или диффузность свойств? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ОГИК, ООО «Горизонт», 2016. Вып. 14. С. 75–98.
8. Adamzik K. Textlinguistik. Eine einführende Darstellung. Tübingen: Niemeyer, 2004. 176 S.
9. Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbbd.: Textlinguistik / Hg. K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager. Berlin; N. Y., 2000. 912 S.
10. Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // Textsorten, Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht / Hg. E. Gülich, W. Raible. Frankfurt a. M.: Athenäum-Verl., 1972. S. 113–124.
11. Ehlich K. Funktion und Struktur schriftlicher Kommunikation // Schrift und Schriftlichkeit / Writing and its Use / Hg. H. Günther, O. Kruse. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 1994. Bd. 1. S. 18–41.
12. Солганик Г. Я. Стилистика текста. 5-е изд. М.: Флинта; Наука, 2003. 256 с.

13. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Текст // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 528–533.
14. Lux F. Text, Situation, Textsorte. Probleme der Textsortenanalyse, dargestellt am Beispiel der britischen Registerlinguistik. Mit einem Ausbilck auf eine adäquate Texttheorie. Tübingen: Narr, 1981. 391 S.
15. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 1991. 310 S.
16. Lüger H.-H. Sprachliche Routinen und Rituale. Frankfurt a. M.: Lang, 1992. 182 S.
17. Schreib- und Textroutinen. Theorie, Erwerb und didaktisch-mediale Modellierung / Hg. H. Feilke, K. Lehnen. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2012. 239 S.
18. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. 249 S.
19. Brinker K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 179 S.
20. Провоторов В. И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка). 2-е изд, испр. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. 140 с.
21. Бабенко Н. С. Еще раз о термине Textsorte в немецкоязычном лингвистическом жанроведении // *Германистика сегодня: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.* (Казань, 16–17 октября 2018 г.) Казань: КФУ, 2019. С. 9–15.
22. Stein S. Anwendungsperspektiven für die Textsortenlinguistik – Der Nutzen mehrdimensionaler bzw. holistischer Textsortenanalysen für die Sprachdidaktik // *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht* / Hg. R. Freudenberg-Findeisen Hildesheim, Zürich, N. Y.: Olms, 2016. S. 27–45.
23. Adamzik K. Textsorten im Fremdsprachenunterricht – Theorie und Praxis // *Text-Arbeiten. Textsorten im fremd- und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule* / Hg. K. Adamzik, W.-D. Krause. Tübingen: Narr, 2005. S. 205–237.
24. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. Tübingen: Max Niemeyer, 2002. 281 S.
25. Simmler F. Zum Verhältnis von publizistischen Gattungen und linguistischen Textsorten // *Zeitschrift für Germanistik*. 1993. Vol. 3. № 2. S. 349–363.
26. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
27. Ленкова Т. А. Медиатекст в свете текстообразующих стратегий. М.: Либроком, 2018. 136 с.
28. Speck S. Textsorten und Textsortenvarianten im Kulturteil der Tageszeitung "Der Tagesspiegel" und der Wochenzeitung "Die Zeit". Berlin: Weidler Buchverlag, 2016. 702 S.
29. Пастухов А. Г. Форма – жанр – формат: к проблеме типологического изучения актуальных медийных предложений // *Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти С. Г. Стерлигова.* (Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 г.) Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 122–129.
30. Reumann K. Journalistische Darstellungsformen // *Fischer Lexikon Publizistik Massenkommunikation* / Hg. E. Noelle-Neumann, W. Schulz, J. Wilke. Frankfurt a. M.: Fischer, 2009. S. 129–167.
31. Weischenberg S. Nachrichten-Journalismus. Anleitungen und Qualitäts-Standards für die Medienpraxis. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2001. 298 S.
32. Lüger H.-H. Pressesprache. 2. Aufl. Berlin: De Gruyter, 1995. 180 S.

Media Genres and Compositional Speech Forms of Journalism: Relationships and Connections

Aleksandr G. Pastukhov^{a, @, ID}

^a Orel State Institute of Culture, Russia, Orel

@ alexander.pastukhov@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6178-9098>

Received 13.11.2020. Accepted 10.12.2020.

Abstract: The existing set of media text modifications with their numerous contexts remains largely understudied in terms of text typology. There are no complex descriptions of the types of media messages. The article raises the problem of correlation between media genres and the compositional speech forms of journalism. The author interprets compositional speech forms as complex functional textual units that structure the thought and give it integrity and completeness. Genre approaches to classifications and current media text typology issues dominate in the contemporary text linguistics, despite the fact that the genre remains its central category. The Germanic studies have accumulated enough experience to generalize the existing points of view and cover all possible journalistic representation forms (*journalistische Darstellungsformen*). From the standpoint of text linguistics, it is the genre variety of media proposals that confirms the priority of the term *Textsorte*, which covers homogeneous text classes that are hierarchically the same. This article focuses on the term *Textsorte*, since it covers the whole variety of media genres and fixes the hierarchical principle of the text function in the system of communicative speech classifications. Therefore, *Textsorte* is the main operational reference point in German genre studies and the basis for multidimensional classifications of media texts.

Keywords: text linguistics, genre, multidimensionality, prototype text, media linguistics, mediality, media schemes, media text

For citation: Pastukhov A. G. Media Genres and Compositional Speech Forms of Journalism: Relationships and Connections. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 1107–1115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1107-1115>

References

1. Filippov K. A. *Text linguistics*, 2nd ed. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 331. (In Russ.)
2. Salimovskiy V. A. Speech genre. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 56–57. (In Russ.)
3. Fix U., Adamzik K., Antos G., Klemm M. *Brauchen wir einen neuen Textbegriff? Antworten auf eine Preisfrage*. Frankfurt a. M.: Lang, 2002, 192.
4. Chernyavskaya V. E. Cognitive linguistics and text: do we need a new concept of textuality? *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2005, (2): 77–83. (In Russ.)
5. Pastukhov A. G. Publicistic – journalistic – medial: towards the formation of a new stylistic paradigm. *Mass media and mass communications: experience, problems, prospects: II Intern. Sci. Colloquium*, Belgorod, October 1–2, 2014. Belgorod: Politerra, 2015, 45–60. (In Russ.)
6. Grishaeva L. I. Discontinuity of patterns? *Media Linguistics*, 2020, 7(2): 193–211. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu22.2020.204
7. Pastukhov A. G. Media text: stylistic diversity or diffuse features? *Genres and text types in academic and media discourse*, ed. Pastukhov A. G. Orel: OGIK, "Gorizont", 2016, iss. 14, 75–98. (In Russ.)
8. Adamzik K. *Textlinguistik. Eine einführende Darstellung*. Tübingen: Niemeyer, 2004, 176.
9. *Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbbd.: Textlinguistik*, Hg. Brinker K., Antos G., Heinemann W., Sager S. F. Berlin; N. Y., 2000, 912.
10. Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen. *Textsorten, Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*, Hg. Gülich E., Raible W. Frankfurt a. M.: Athenäum-Verl., 1972, 113–124.
11. Ehlich K. Funktion und Struktur schriftlicher Kommunikation. *Schrift und Schriftlichkeit / Writing and its Use*, Hg. Günther H., Kruse O. Berlin-N. Y.: De Gruyter, 1994, Bd. 1, 18–41.
12. Solganik G. Ya. *Text stylistics*, 5th ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 256. (In Russ.)
13. Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. *Text. Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 528–533. (In Russ.)
14. Lux F. *Text, Situation, Textsorte. Probleme der Textsortenanalyse, dargestellt am Beispiel der britischen Registerlinguistik. Mit einem Ausblick auf eine adäquate Texttheorie*. Tübingen: Narr, 1981, 391.

15. Heinemann W., Viehweger D. *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen: Niemeyer, 1991, 310.
16. Lüger H.-H. *Sprachliche Routinen und Rituale*. Frankfurt a. M.: Lang, 1992, 182.
17. *Schreib- und Textroutinen. Theorie, Erwerb und didaktisch-mediale Modellierung*, Hg. Feilke H., Lehnen K. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2012, 239.
18. Gansel Ch., Jürgens F. *Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002, 249.
19. Brinker K. *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt, 2005, 179.
20. Provotorov V. I. *Essays on the genre style of text (based on the German language)*, 2nd ed. Moscow: NVI-TEZAURUS, 2003, 140. (In Russ.)
21. Babenko N. S. Once again about the term Textsorte in German linguistic genre studies. *Today's Germanistics: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kazan, October 16–17, 2018. Kazan: KFU, 2019, 9–15. (In Russ.)
22. Stein S. Anwendungsperspektiven für die Textsortenlinguistik – Der Nutzen mehrdimensionaler bzw. holistischer Textsortenanalysen für die Sprachdidaktik. *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten) didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*, Hg. R. Freudenberg-Findeisen. Hildesheim, Zürich, N. Y.: Olms, 2016, 27–45.
23. Adamzik K. Textsorten im Fremdsprachenunterricht – Theorie und Praxis. *Text-Arbeiten. Textsorten im fremd- und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule*, Hg. Adamzik K., Krause W.-D. Tübingen: Narr, 2005, 205–237.
24. Heinemann M., Heinemann W. *Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs*. Tübingen: Max Niemeyer, 2002, 281.
25. Simmler F. Zum Verhältnis von publizistischen Gattungen und linguistischen Textsorten. *Zeitschrift für Germanistik*, 1993, 3(2): 349–363.
26. Brandes M. P. *Text stylistics. Theoretical course*, 3rd ed. Moscow: Progress-Traditsia; Infra-M, 2004, 416. (In Russ.)
27. Lenkova T. A. *Media text in the light of text forming strategies*. Moscow: Librokom, 2018, 136. (In Russ.)
28. Speck S. *Textsorten und Textsortenvarianten im Kulturteil der Tageszeitung "Der Tagesspiegel" und der Wochenzeitung "Die Zeit"*. Berlin: Weidler Buchverlag, 2016, 702.
29. Pastukhov A. G. Form – genre – format: on the problem of typological study of actual media proposals. *Languages and cultures: functional, communicative and linguapragmatic aspects: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, dedicated to memory of Sterligov S. G., Nizhny Novgorod, April 26–27, 2019. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 122–129. (In Russ.)
30. Reumann K. Journalistische Darstellungsformen. *Fischer Lexikon Publizistik Massenkommunikation*, Hg. Noelle-Neumann E., Schulz W., Wilke J. Frankfurt a. M.: Fischer, 2009, 129–167.
31. Weischenberg S. *Nachrichten-Journalismus. Anleitungen und Qualitäts-Standards für die Medienpraxis*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2001, 298.
32. Lüger H.-H. *Pressesprache*, 2. Aufl. Berlin: De Gruyter, 1995, 180.